

Сон как опыт трансгрессии в рассказах «Гусев» А.П. Чехова и «Хозяин и работник» Л.Н. Толстого

Научный руководитель – Максимова Екатерина Сергеевна

Федотова Влада Алексеевна

Студент (бакалавр)

Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Кафедра отечественной литературы, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: fedotovafv2003@mail.ru

Сон в художественном мире А. Чехова и Л. Толстого не просто одно из состояний героев, часто сон становится знаком трансгрессии, перехода границы между жизнью и смертью. В рассказах «Гусев» А. Чехова и «Хозяин и работник» Л. Толстого трансгрессивный потенциал сна реализуется через сложную метафору (*сон-смерть*), организующую все уровни текста.

Сон в «Гусеве» представлен системой бинарных оппозиций: *явь-бред, жара-холод, верх-низ*. Уже в начале рассказа автор вводит мотив бреда как сна, который размывает границу между реальностью и предсмертным состоянием героя. Все упоминания сна в тексте сопровождаются маркерами пограничности (так, например, матросы не просто спят, а «спят и бредят»), создавая контекстуальную неразделимость этих понятий. Двойственность состояний героев поддерживается организацией художественного пространства: герои находятся *внизу* (в каюте), а их мысли устремлены *вверх* (к небу).

Каждый эпизод сна или бреда приближает героя к смерти. Павел Иванович сначала «спит сидя, так как в лежачем положении он задыхается» [Чехов: 328], потом он «не сидит, а лежит; глаза у него закрыты, нос стал как будто острее» [Чехов: 334]. Бредовые видения становятся способом психологического бегства от удушающей реальности корабля, где «во рту так сухо, что трудно пошевелинуть языком» [Чехов: 338]. С их помощью главный герой рассказа Гусев пытается «охладиться», он переносится в родную деревню, вспоминает близких: «Рисуется ему громадный пруд, занесенный снегом... На одной стороне пруда фарфоровый завод кирпичного цвета, с высокой трубой и с облаками черного дыма; на другой стороне – деревня...» [Чехов: 328]. Символично последнее видение Гусева: «В казарме только что вынули хлеб из печи, а он залез в печь и парится в ней березовым веником» [Чехов: 338]. Образ печи в славянской мифологии традиционно связан с переходом между мирами, он одновременно символизирует и рождение, и смерть. Для Гусева этот образ становится предвестником скорой кончины.

Смерть героя не обозначена в тексте прямо, она показана как метафорический переход к новому состоянию. После смерти тело Гусева сбрасывают в море, и автор описывает это как продолжение активного существования: «он быстро идет ко дну» или «вот встречает он на пути стаю рыбок» [Чехов: 339]. Даже на грамматическом уровне Чехов сохраняет за умершим главным героем роль субъекта действия, что проблематизирует привычное соотношение живого и мертвого.

У Толстого сон возникает как кульминация, как момент духовного преображения героя. Брехунов, заблудившись в метели, сначала думает только о своем спасении. Пытаясь найти дорогу в деревню, он бросает своего товарища по несчастью Никиту. Никита в это время находится в пограничном состоянии между сном и смертью: «умирал он или засыпал, – он не знал, но чувствовал себя одинаково готовым на то и на другое» [Толстой: 50]. Состояние готовности к смерти Никиты контрастирует с паникой Брехунова.

Вернувшись к Никите после неудачных поисков пристанища, Брехунов ложится на него, чтобы согреть своим телом, и засыпает. В сновидении к нему «приходит тот, кого он ждал, и это уж не Иван Матвейч, становой, а кто-то другой, но тот самый, кого он ждет» [Толстой: 53]. Это полностью меняет его мировоззрение – он отдает свою жизнь, спасая замерзающего Никиту. В этом жертвенном поступке проявляется его духовное перерождение. В.А.Штаб замечает, что «пространство Василия Андреевича в финале рассказа Л.Н. Толстого расширяется, он уходит в раскрывшуюся перед ним дверь», чтобы очеловечиться [Штаб 2011: 53].

Сон в обоих рассказах предстает как трансгрессивный опыт. В рассказе А. Чехова сон связан с постепенным угасанием героя, которое показано через серию видений, переходящих от ясных воспоминаний к символическим образам, предвещающим смерть и вместе с тем ее отменяющих (тело героя продолжает «действовать»). У Толстого сон связан с моментом духовного просветления, это трансгрессивный опыт, который меняет всю сущность героя. При этом Чехов описывает смерть более натуралистично, через физиологические детали и взаимодействие с природным миром. Толстой же делает акцент на христианской идее искупления и спасения души, на нравственном преображении человека перед лицом смерти.

Источники и литература

- 1) Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1952. Т.29.
- 2) Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1974–1983. Т.7.
- 3) Штаб В.А. Проблема преодоления пространства в произведениях Н.В. Гоголя «Вий» и Л.Н. Толстого «Хозяин и работник» // Система ценностей современного общества. – Кемерово, 2011. – С. 48–53.